

РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ МИФО-РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ КУАТОВСКОЙ ИЕРОТОПИИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Яшин В.Б.^{1,2}

¹ООО «Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2», Омск, Россия (644099, Омск, ул. Ленина, 8-а), e-mail: asgard@gepicentr.ru;

²ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, Омск, Набережная им. Тухачевского, 14), e-mail: history@omgpu.ru

Статья посвящена феномену неoarхаики в социокультурном пространстве современной России, который, в частности, выражается в реактуализации архаических практик организации сакральных мест, центрами которых выступают памятники археологии. В качестве эмпирической базы используются материалы полевых исследований, отражающие процесс формирования нового локального культа вокруг кургана Куатовка-I, расположенного в Славгородском районе Алтайского края. На этом примере демонстрируются такие проявления религиозности в современном мире, как ремифологизация, реактуализация архаических ритуальных практик; конструирование иеротопий как механизм символической артикуляции локальной и личностной идентичности в процессе глокализации; плюральность и субъективность интерпретаций одних и тех же сакральных текстов; создание индивидуальных религиозных миров; синкретизм и эклектика религиозных конструктов эпохи постмодерна.

Ключевые слова: неoarхаика; неоязычество; иеротопия; сакральные места; новые религиозные движения.

RE-ACTUALIZATION OF ARCHAIC MYTH AND RITUAL PRACTICES IN MODERN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF KUATOVKA'S HIEROTOPIA (SOCIOLOGICAL AND RELIGIOUS ASPECTS)

Yashin V.B.^{1,2}

¹ООО «Center of humanitarian, socio-economic and political studies – 2», Omsk, Russia, 644099, Omsk, Lenin st., 8 - a), e-mail: asgard@gepicentr.ru;

²The Omsk state pedagogical University, Omsk, Russia, 644099, Omsk, Naberezhnaya them. Tukhachevskogo, 14), e-mail: history@omgpu.ru

The article is devoted to the phenomenon of neoarchaic in socio-cultural space of modern Russia, which, in particular, is expressed in the reactualize the archaic practices of the organization of sacred places, the centers of which are monuments of archeology. As an empirical base used materials of field researches, reflecting the formation of a new local cult around the mound Kuatovka-I, located in Slavgorod district of Altai Krai. This example demonstrates such manifestations of religiosity in the modern world, as remythologization, re-actualization of archaic ritual practices; designing hierotopy as a mechanism of symbolic articulation of local and personal identity in the process of glocalisation; plurality and subjectivity of interpretations of the same sacred texts; the creation of individual religious worlds; syncretism and eclectic religious constructs.

Keywords: neoarchaica; neopaganism; hierotopy; sacred places; new religious movements.

Среди исследователей феномена так называемой нетрадиционной религиозности в современном мире широкой популярностью пользуется концепция выдающегося американского футуролога Элвина Тоффлера, согласно которой массовое появление новых религий, культов и сект, не прекращающееся со второй половины XX в., представляет собой следствие крупнейшего цивилизационного сдвига, связанного со становлением (в первую очередь в странах Запада) основ постиндустриального общества. С этой точки зрения, в недрах нетрадиционных религиозных новообразований вызревает некий принципиально

новый тип религиозности и, следовательно, новый тип культуры, оптимально соответствующий новой эпохе.

Однако в конце XX – начале XXI вв. как в мировом масштабе, так и в Российской Федерации отчетливо прослеживаются тенденции к реактуализации архаических форм культуры. Это касается не только сообществ, в которых архаические традиции при всех исторических процессах трансформации сохранились до наших дней (примером чему могут служить коренные народы Крайнего Севера), но и новых религиозных движений (НРД), в первую очередь тех из них, что связаны с различными проявлениями неоязычества, неоориентализма и NewAge. В частности, немалая часть НРД в своей ритуальной практике активно использует архаические формы иеротопии (то есть принципов организации сакральных пространств), в том числе связанные с наделением священным статусом реальных памятников археологии.

Многие из этих памятников стали объектом паломничества и духовного туризма, местом проведения всевозможных ритуалов, оккультных практикумов, «контактов с параллельными мирами», фестивалей в стиле «этника» и «неоархаика». Так, с 1991 г. неоязыческая община «Купала» стала проводить празднование летнего Солнцеворота на территории курганного могильника «Петрово Дальнее» на р. Истре; несколько лет спустя еще одно объединение неоязычников – община «Коляда» – обустроило свое капище вблизи курганов в районе подмосковной железнодорожной станции «Луговая» [9, с. 193]. 7 июля 2001 г. во время Купальских празднеств на курганах вятичей в Битцевском парке (г. Москва) был совершен ритуал посвящения в волхвы активистов созданной незадолго перед тем неоязыческой общины «Круг Бера» [3, с. 117]. Участники международного общественного движения «Круг Языческой Традиции» почитают в качестве священного места курганы вятичей XI-XII вв. в Царицынском лесопарке (г. Москва), ухаживают за древними захоронениями, а также совершают паломничества на подмосковные памятники славянской археологии – городища в районе гг. Яхромы и Сергиева Посада, курганы в окрестностях г. Звенигорода и ст. Куровской [4, с. 103-104]. В Курской области территорию Липинского городища в конце 1990-х гг. облюбовали местные экстрасенсы из «Ассоциации народных целителей» для занятий йогой и оккультным целительством, работы с «тонкими энергиями» и т.п. [7, с. 86-88]. Особый размах практика такого рода приобрела на поселении Аркаим (Брединский район Челябинской области), в районе дольменов Геленджика (Краснодарский край), на курганах и древних святилищах Горного Алтая и в ряде других мест.

Данная статья посвящена анализу процесса формирования еще одного нового локального культа, организованного вокруг археологического памятника.

В 2008 г. совместной археологической экспедицией Центра гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2 (ГЭПИЦентр-2, г. Омск) и Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук был раскопан курган Куатовка-1а, расположенный на восточном берегу озера Большое Яровое в Кулундинской степи (Славгородский район Алтайского края РФ). Этот памятник датируется VI-III вв. до н.э. и относится к каменной археологической культуре, входившей в состав скифо-сибирского мира периода Раннего железного века [5]. Материалы раскопок позволяют утверждать, что здесь была захоронена некая персона с высоким социальным и сакральным статусом. На это указывают одиночный характер кургана; его незаурядные размеры (диаметр около 16 м, глубина окружающего рва более 1 м, максимальная ширина рва в верхней части – 4,5 м); нестандартное месторасположение (в низине, вблизи береговой линии); наличие ровика, оконтуривающего жертвенник, а также обилие жертв (большое количество костей животных и наконечников стрел). О длительной актуальности Куатовского кургана в качестве сакрального объекта и топоса ритуальных практик свидетельствует, в частности, разновременность основного рва и ровика, замыкающего его юго-западную перемычку, а также наличие двух впускных погребений маленьких детей, относящихся уже к Средневековью.

Лето следующего, 2009 г. в окрестностях озера Большое Яровое оказалось аномальным по своим погодным условиям: практически непрерывно шли ливневые дожди с сильными грозами. Как следствие, резко сократился поток туристов, хотя обычно в летний сезон в Яровскую курортно-санаторную зону массово прибывают отдыхающие из различных регионов России и Казахстана, и обслуживание туристов является одной из основных отраслей местной экономики. Кроме того, практически одновременно в Славгородском районе началась эпизоотия мелкого рогатого скота. Среди местного населения пошли разговоры, что все эти бедствия – месь разгневанной души, покоившейся в Куатовском кургане; в адрес археологов стали поступать обращения с просьбой перезахоронить обнаруженные в нем останки.

В июле 2009 г. в рамках планируемой музеефикации кургана Куатовка-1а останки, обнаруженные в его основном погребении, были перезахоронены на прежнем месте. При этом была осуществлена натурная реконструкция элементов погребального ритуала древнего населения Степного Алтая в форме ролевого моделирования, затем сооружена надмогильная земляная выкладка, восстановлен ров, окружавший курган, а по окружности территория кургана была обнесена валунами. Кстати, после этих действий погода действительно вскоре наладилась.

К настоящему времени восстановленный Куатовский курган все более отчетливо обретает характер культового центра, вокруг которого организуется локальное сакральное пространство. Как показали полевые работы, проведенные ГЭПИЦентром-2 в июле 2012 г., формирование структурно-семантического комплекса этой новой иеротопии протекает одновременно по нескольким сценариям.

Прежде всего, Куатовский курган задействован в маркетинге территории побережья озера Большое Яровое, в контексте которого данный археологический памятник позиционируется PR-технологиями как погребение Яровской Берегини – великой жрицы и богатырши, царицы местных амазонок, защищавшей людей и силой оружия, и силой благотворной магии, покровительницы Яровской земли, хранительницы целительной силы озера. Кроме того, в рекламе туристических услуг окрестности кургана характеризуются как «место силы древних жрецов»; организовано проведение на него экскурсий. В связи с недостаточностью информационной поддержки эти мотивы пока не получили заметного распространения за пределами Ярового, но они пользуются определенной популярностью в местном сообществе. Так, в отчете о краеведческой экспедиции Центра научно-технического творчества учащихся г. Яровое, проведенной летом 2009 г., сообщается: «Школьники побывали на захоронении Хранительницы нашего озера и прилегающей территории, воинствующей шаманки, останки которой были случайно обнаружены при работах на побережье озера. Учёные определили возраст останков – 4–5 век до нашей эры. С соответствующими почестями её останки были захоронены обратно» [8].

Впрочем, с позиций религиоведческого дискурса гораздо больший интерес представляют стихийные процессы мифотворчества и конструирования иеротопических практик в отношении Куатовского кургана. Такие процессы зафиксированы, в частности, среди жителей расположенной по соседству от него деревни Куатовка, населенной казахами и (в значительно меньшей степени) немцами.

Куатовские казахи считают курган священным местом, вблизи которого нельзя копать землю, курить и выпивать; нежелательно и заходить за курганную ограду. *«Этот курган трогать нельзя, грех; все, что с ним делают, отражается на природе, на людях. Старики говорят, нельзя там ничего затрагивать»* [1, л. 2]. Сакральность восстановленного памятника археологии подчеркивается необычными, аномальными свойствами окружающего его пространства: *«У раскопанного кургана машины глохли, мотоциклы переворачивались»* [1, л. 17]. *«Здесь много других курганов, днем ничего, а за ночь там появляются рвы, кто-то копает»*[1, л. 32]. Местные казахи не посещают курган, опасаясь даже случайно что-нибудь там потревожить, но не мешают другим бывать на этом восстановленном памятнике. Более того, Куатовский курган уже стал объектом

паломничества казахов из Республики Казахстан (в том числе, как уверяют местные жители, сюда приезжают экстрасенсы из г. Павлодара). Во время пребывания на кургане паломники (пока, правда, сравнительно немногочисленные) читают молитвы, как на поминках, просят защиты, чтобы не болели дети. Из соседнего государства сюда даже привозят на исцеление больных. По словам информаторов, при этом иногда возле кургана режут барана, варят и едят его мясо, а шкуру и кости оставляют возле ритуальной коновязи, водруженной при реконструкции погребения.

В целом система мифологизированных представлений и ритуальных действий, складывающаяся вокруг Куатовского кургана, соответствует традициям почитания погребений святых (астана) у тюркоязычных народов Сибири и Казахстана. Как уже отмечали многие исследователи, институт астаны обусловлен, в первую очередь, устойчивостью в указанных этнических образованиях культа предков, имеющего глубокие доисламские корни. Логическим следствием «любви к отеческим гробам» становится уважительное, сакрализованное отношение и к погребениям, однозначно осознаваемым как «чужие»: *«Неважно, кто захоронен, все равно священное место»* [1, с. 25]; *«место это священное, <потому что> там покойник лежит»* [1, с. 27]. А отсутствие в исламе канонической процедуры определения святости человека, догматически выверенных форм поминания и прославления святых дает определенную свободу и повышает значение народной молвы в возникновении локальных культов в рамках мусульманско-языческого синкретизма [2, с. 166, 168, 169].

Версии по поводу атрибуции кургана, зафиксированные среди куатовских казахов, не выходят за рамки традиционных фольклорно-этнографических мотивов тюркской мифологии и типичных генеалогий в стиле FolkHistory.

1. Куатовский курган – это древнее погребение великой шаманки, которая была либо женой Кульдун Иэсы (иначе Кажа, Суесе), то есть духа-хозяина озера Большое Яровое, либо непосредственно его хозяйкой. *«В кургане лежит шаманка, хозяйка озера. Шаманка – это защитница, за всем наблюдает»* [1, л. 19]. *«Она заговоренная была <...> Шаманка и Хозяин озера – муж и жена»* [1, л. 6].

2. Куатовский курган – это погребение знатного воина. *«Курган был воздвигнут в XVIII – XIX веке. В нем лежит богатырь, великий воин, таких хоронили с золотом. Он – из кочевников»* [6, л. 16]. *«В кургане батыр захоронен казахский, знаменитый воин, <...> мусульманин, под два метра ростом. В Казахстане его ищут, а он здесь»* [1, л. 32].

3. Куатовский курган – это погребение Бейбарса (Аз-ЗаахираБайбарса аль-Бундукдаари) – средневекового завоевателя, мамлюкского султана Египта и Сирии, потомки которого якобы ныне обитают в Куатовке. *«Курган воздвигнут в XII веке, там лежит султан Бейбарс с*

дочерью, покоритель Египта, мой предок. Специально приехал умирать сюда. Никто не знает, где его могила, а она здесь» [1, л. 13].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что семантизация Куатовского кургана протекает в двух противоположных направлениях. С одной стороны, представленные выше материалы свидетельствуют о стремлении включить реальный археологический объект в традиционную мифологическую картину мира (в частности, посредством установления связей кургана с персонажами тюркской мифологии). С другой стороны, четко прослеживается тенденция использовать памятник археологии как инструмент «встраивания» локальной истории в реальные, масштабно значимые исторические события и тем самым как инструмент повышения символического статуса местного сообщества. Таким образом, нарративы о Куатовском кургане вполне соответствуют парадигматике преданий, функции которых заключаются «в мифопоэтическом корректировании истории, превращении бессодержательной с мифопоэтической точки зрения цепи событий в набор осмысленных, то есть канонических сюжетов, в приписывании историческим персонажам таких свойств, которые позволяют им быть значимыми персонажами и с фольклорно-мифологической точки зрения» [6, с. 332–333]. Подобные попытки найти компромисс между принципиально внеисторичной мифологией и текущей исторической реальностью характерны, в первую очередь, для мировоззрения переходной эпохи от первобытности к цивилизации. Как видим, в условиях господства постиндустриальной цивилизации, ориентированной на радикальный разрыв с традиционной культурой, балансирование между мифом и историей, между архаикой и модерном активизируется с новой силой.

Но современная эпоха характеризуется еще одной фундаментальной тенденцией. В условиях глобализованного общества беспрецедентная интенсификация информационных потоков и межкультурных взаимодействий, ослабление традиционной системы социальных связей приводят к девальвации институционализированных культурных доминант и оформлению тренда на плюральность и дискретность личностной идентификации, в том числе и в религиозной сфере. Как следствие, все более нарастает роль индивидуальных духовных практик и конструирования персональных культурных миров, неизбежно нестабильных и эклектичных.

Материалы, полученные при опросе жителей д. Куатовки по поводу реконструированного кургана, явственно отражают отмеченную тенденцию. Особый интерес в этом отношении представляют глубинные интервью, проведенные с Елизаветой Яковлевной Ланг, немкой по национальности, 1951 года рождения. Своим вероисповеданием она называет лютеранство. С ее слов, раньше она посещала молитвенные собрания, но после того как большинство куатовских немцев покинули эту деревню стала молиться у себя дома,

а, бывая в соседнем городе, заходит в православную церковь. Теперь же она чаще молится на Куатовском кургане (не каноническими формулами, а идущими от сердца словами). *«Я на кургане один-два раза бываю, с внуком приезжаю на велосипедах. Приезжаю, здороваюсь, обращаюсь, говорю о себе. Я лютеранка, обращаюсь по своей вере на кургане»* [1, л. 10]. *«Модератор: А на кургане можно молиться? – Информатор: «Можно. Каждый по-своему, почему нет? – Модератор: И Вы тоже? – Информатор: И я»* [1, л. 39].

Говоря о кургане, Е.Я. Ланг подчеркивает особую благодать окружающего его пространства. *«Мы ходим туда, нам легче становится <...> Атмосфера там хорошая»*[1, л. 9]. *«Мы как едем на озеро, зайдем [на курган], поздороваемся, посидим немного, успокоимся. И хорошо на сердце становится»* [1, л. 38]. Кроме того, как считает Елизавета Яковлевна, курган обладает целительной силой. *«У меня дед (муж) болел, так я его туда на мотоцикле возила, посадила в коляску. Посидел немного, ему легче стало»* [1, л. 9]. *«Как-то у меня давление сильное, как смогу, так поеду туда на велосипеде, посижу немножко. Приезжаю домой – как-то легче. День-два легче. Потом опять надо ехать»* [1, л. 38].

Е.А. Ланг разделяет мнение о том, что в кургане захоронена хозяйка озера Большое Яровое: *«Мне кажется, это хранильница озера. Хозяйка озера, все говорят»* [1, л. 39]. *«Она охраняла озеро и до сих пор охраняет. Про нее все забыли, а она охраняет»* [1, л. 9]. В то же время Елизавета Яковлевна своеобразным образом корреспондирует Куатовский курган со своими собственными умершими родственниками: *«Я родилась в Немецком национальном районе [Алтайского края], наши родители там лежат на кладбище. Мы редко там бываем, раз в год. А хочется ведь [за могилами ухаживать]. А у казахов женщины на кладбище не бывают, только мужики. Ну, а здесь [на кургане] кто мне запретит? Пошла, прибрала с внуком вдвоем – и как-то спокойнее на душе становится, как будто побывала у своих. Неважно, кто там лежит, сколько лет, как лежит. – Модератор: То есть главное, что это человек оттуда, из того мира, связь поддерживает? – Информатор: Да»* [1, л. 37]. Тем самым, курган Куатовка-1а стал едва ли не единственным погребальным памятником археологии, обретшим своего добровольного зрителя, который взял на себя обязанности по его уборке и благоустройству.

Необходимо подчеркнуть, что Куатовская иеротопия возникла буквально на ровном месте: до раскопок современное местное население не подозревало о существовании кургана Куатовка-1а, поскольку из-за особенностей расположения и невысокой, сильно расплывшейся насыпи он был замечен только взгляду профессионального археолога. Поскольку вторичная сакрализация Куатовского кургана представляет собой довольно редкий случай, когда для религиоведов имеется возможность проследить динамику

неокульты непосредственно с момента его зарождения, предполагается проведение дальнейших исследований этой новой иеротопии в режиме мониторинга.

Список литературы

1. Архив ГЭПИЦентра-2. Сектор 29. Фонд 67. Дело 29.
2. Белич И.В. О религиозных войнах шейха учеников Багауддина против инородцев Западной Сибири (к 100-летию публикации Н. Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 6. – С. 153-171.
3. Гаврилов Д.А. (волхв Иггельд). К вопросу об истоках современного языческого движения в России // Indigenous Religions. «Русь языческая»: этническая религиозность в России и Украине XX – XXI вв. – Нижний Новгород: изд-во НГПУ, 2010. – С. 110-122.
4. Дорофеев С.А. (волхв Веледор). Материалы интервью // Indigenous Religions. «Русь языческая»: этническая религиозность в России и Украине XX – XXI вв. – Нижний Новгород: изд-во НГПУ, 2010. – С. 100-106.
5. Корусенко М.А., Иващенко С.В., Здор М.Ю. Охранно-спасательные работы на кургане Куатовка-1а // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. – Барнаул: изд-во «Азбука», 2009. – С. 81-87.
6. Левинтон Г.А. Предания и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. II. – С. 332-333.
7. Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. – 2002. – № 4. – С. 70-89.
8. Приобщение к духовному прошлому Алтая // Природа Алтая. – 2009. – № 10. – С. 14.
9. Шнирельман В.А. Русское родноверие. Неоязычество и национализм в современной России. – М.: Изд-во ББИ, 2012. – xiv + 302 с.

Рецензенты:

Денисов С.Ф., д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии, ОмГПУ, г. Омск.

Зайцев П.Л., д.филос.н., профессор, декан социально-экономического факультета, ОмГУ им.

Ф.М. Достоевского, г. Омск.